

ВЛАДИМИР СУТЫРИН

О том, что остается за кадром

Владимир Сутырин

О том, что остается за кадром

«Издательские решения»

Сутырин В.

О том, что остается за кадром / В. Сутырин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983099-9

Уходят из жизни действительные участники Великой Отечественной и происходит выхолащивание истории, при этом некоторые существенные стороны событий становятся фигурой умолчания. На примере биографии своего отца — политрука А. И. Сутырина автор показывает, чем реально занимались армейские политработники на фронте. Представляет интерес и взгляд автора на проблемы политработы в нынешней Российской Армии, которая, как известно, возвращается в наши Вооруженные силы, согласно Указу президента.

ISBN 978-5-44-983099-9

© Сутырин В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

О том, что остается за кадром

Владимир Сутырин

© Владимир Сутырин, 2020

ISBN 978-5-4498-3099-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

Глава первая

«Тебе, Боря, это знать не нужно».

Так отвечал отец моему брату в юные его годы, когда тот просил рассказать о войне. Брат вырос, окончил университет, стал историком, но распечатать до конца отцовскую память так и не смог.

Тем временем вокруг гремела слава Красной Армии. На площадях воздвигались памятники-танки, к каждой годовщине Победы, кратной пяти, учреждались новые медали, коими щедро завешивались пиджаки ветеранов.

Мы, детвора первого послевоенного десятилетия, воспитывались более на художественных книгах и фильмах о войне, нежели на воспоминаниях живых участников ее. Отец же, глядя кино по телевизору, потом вдруг вставал и уходил, махнув рукой: «А, не так всё было...» – «А как?» – недовольно спрашивал я, отрок, увлеченный кинокартиной. «Вырастешь – узнаешь», – отвечал он.

Отец покинул сей мир в начале 70-х, так и не оставив никаких мемуаров. Уже вырос и я, младший его сын, перевалил за экватор жизни, другие интересы увлекли меня в процессе бытия... Нет, конечно, в общих чертах боевую биографию отца я знал: он начал войну под Ленинградом (у него была медаль за оборону города на Неве), потом – 1-й Украинский и бои в Германии до самой капитуляции врага. Хотя всё вроде выглядело достаточно прозаично – воевал не на подступах к Ленинграду, а за сотни километров от него, на Волховском фронте, да и столицу третьего рейха, как известно, брал не 1-й Украинский, а 1-й Белорусский. Получалось, и гордиться отцу было особо нечем? То ли дело Сталинград, Курская дуга или битва под Москвой, что сейчас чуть что приходят на память как самые яркие победы наши в Великой Отечественной! А тут – будни, если не задворки великих событий... Другие-то его сверстники, только соберутся, такие истории порасскажут: и так они геройствовали, и эдак! Благо и ленточки на их орденских планках об этом свидетельствовали. Отец не стремился стать вровень с ними, вежливо слушая и изредка добавляя какой-то общий штрих к рассказу, дабы не быть в стороне от общего разговора. Правда, многочисленные фронтовые фотоснимки в семейном альбоме всё же не создавали у меня, подростка и свидетеля таких разговоров, впечатления, что-де сам он был на обочине ратных событий сороковых-роковых...

И вот когда ушла на вечный покой моя мать-долгожительница и весь семейный архив естественным образом переключился в мое ведение, я заглянул, наконец, в красную папку, в которой были собраны все не распыленные временем свидетельства жизни моих родителей.

Ничего особого в ней не было: какие-то бытовые записи, неиспользованные фото 3x4, обложка от партбилета, вырезка из старой газеты, профсоюзная грамота... Главное, что я увидел – это послужной список отца, составленный его собственной рукой. Это были третья и четвертая страницы типовой формы №4, которую заполняли в прошлые годы при устройстве на работу или оформлении пенсии: слева даты, справа – где работал или служил. И вот из этой рукописной автобиографии отца я узнал более подробно канву его фронтовой судьбы. Оказывается, она более чем разнообразна. Тут и Северо-Западный фронт, и Ленинградский, и Волховский, и Воронежский, 1-й и 2-й Украинские. Куда уж шире! И я сразу вспомнил (это то немногое, что удалось выудить у родителя), что за годы войны отец побывал почти во всех будущих странах народной демократии, кроме разве что южных – Болгарии и Югославии...

Перебирая в задумчивости сохраненные матерью его ордена и медали, я и решил заочно пройти теми фронтовыми дорогами, по которым стучали и хлюпали отцовские сапоги. И если сам он не любил быть предметом внимания, почему и не сорил по делу и без дела фронтовыми сказами, то помощниками мне в этом путешествии спустя три четверти века должны были стать свидетельства его многочисленных товарищей по оружию от рядовых и лейтенантов до генералов и маршалов, сохраненные журналистами и историками, писателями и музейщиками, которые все эти более, чем семьдесят лет не даром ели свой хлеб.

Всё началось с Северо-Западного направления. Именно сюда, в резерв политуправления Ленинградского фронта был прислан выпускник ускоренных курсов Военно-политического училища им. Ленина политрук Алексей Иванович Сутырин.

Училище это находилось в Москве и в него сразу после начала войны были направлены слушатели Ленинских курсов при ЦК ВКП (б) в Ленинграде, где партийные работники среднего звена (а мой отец до войны был секретарем райкома на Дальнем Востоке) получали образование соответствующего профиля и уровня. Война поменяла планы, и будущие управленцы мирного строительства перепрофилировались на строительство военное. Политические органы в армии в условиях начавшейся войны стали той важной подоплекой, которая не позволила дрогнуть войскам в условиях неразберихи и дезорганизации, всегда свойственной стороне, атакованной превосходящими силами.

Сдерживая натиск агрессора, наши войска отступали (но не бежали, побросав оружие!). Отступление – тоже канонический с точки зрения военной науки вид ведения боевых действий, в то время как в тылу идет формирование и средоточие новых сил, которые смогут, во-первых, остановить фронт, а во-вторых, перейти к активной фазе.

На Северо-Западном направлении движение фронта замедлилось осенью, когда войска Ленинградского фронта, что называется, спиной уперлись в предместья северной столицы, и дальнейшее отступление означало бы уже ее сдачу. Посылая маршала К. Е. Ворошилова руководить обороной города на Неве, Верховный главнокомандующий Красной Армии В. И. Сталин поставил ему такую альтернативу: отстоять Ленинград или погибнуть. Третьего варианта не предвиделось...

Немцы, понимая, что в лоб город не взять, решили охватить его вторым кольцом, выйдя на соединение со своими союзниками финнами на реке Свирь восточнее Ладожского озера. Для того, чтобы это удалось, агрессору надо было перерезать железнодорожное сообщение между Тихвином и Волховом, по которому шло снабжение осажденного города. Здесь для наших сложилась та же патовая ситуация, в которой пятиться больше было нельзя: или пан, или пропал...

Это положение на октябрь 1941 г., когда на Западном направлении немцы приблизились и к Москве. По сути – самый критический момент Великой Отечественной.

Вот тогда нашими штабистами и была разработана операция по ликвидации вражеского Тихвинского выступа силами Северо-Западного, Ленинградского фронтов и двух отдельных армий, которыми руководил представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал армии К. А. Мерецков, недавний начальник генштаба РККА. Первый удар состоялся 11 ноября 1941 г. Запланированного успеха он не принес, но немцы все же прекратили продвижение и перешли к обороне.

Тем временем с обеих сторон шло наращивание сил. И хотя довести численный состав дивизий и бригад Красной Армии, участвовавших в наступлении, до штатного не удалось и количество боеприпасов для артстволов было ниже нормы (отставали производство и логистика), наступление было решено продолжить – ценой промедления могла стать жизнь ленинградцев. 9 декабря был освобожден Тихвин, а 24 декабря очищена и железная дорога на Вол-

хов, что позволило наладить доставку продовольствия и боеприпасов в осажденный город на Неве по ладожской «Дороге жизни».

О том, как воевалось нашим в 1941 г. на Северо-Западном направлении, известно из воспоминаний участников тех боев. Еще в 20-х числах сентября под Волхов была переброшена отличившаяся в боях под Витебском и Ельней 3-я гвардейская дивизия, сформированная в самый канун войны на Урале. Вот что вспоминали спустя годы ветераны-гвардейцы. Цитирую по книге военного журналиста и писателя Венедикта Станцева, также воевавшего в составе 3-й гвардейской:

«...Разгрузились – и сразу в лесную чащу: поскорее скрыться. И тут-то...«Старики» зубами закрипели: опять болота и это под самым-то Ленинградом! Черт бы их побрал совсем! Молодые молчат: они еще не хлебнули «болотного» горя.

Если на суше блиндажи – под землей, то здесь строились над землей, а вернее, над водой: низенькие такие срубы из вековых сосен и елей, которые не брали ни пули, ни осколки. И даже снаряды малого калибра. Чуть повыше болотной топи – нары, застеленные еловым лапником. С каждой стороны – по амбразуре...

И траншеи здесь были не те, что на «суше». Чтобы как-то обезопасить себя, замаскироваться, сооружали дерево-торфяные валы, часто под огнем противника. Ходили вечно мокрые. И даже пустякового костерка нельзя было развести. Чуть дымок, и сразу же сыпались мины...»

Что говорить, условия не курортные, долго в них находиться – во вред боеспособности. И вот уже спустя пять дней комдив зачитал приказ, полученный из штаба 54-й армии, в которую влилась 3-я гвардейская, о наступлении с целью выбить противника с опорных пунктов в районе Синявино. И хотя во время недолгого отдыха штат дивизии был пополнен новичками, ряд командирских должностей оставался вакантным – подготовка командиров среднего звена велась медленнее, чем шла реальная их убыль. Так, на фронте наступления 3-й гвардейской дивизии первой было приказано идти в наступление роте 435-го полка, которую должен был вести в бой политрук Старцев, по штату – второе должностное лицо в подразделении.

В. Станцев:

«Легко сказать «вести». Артподготовка была жиденькой. Снаряды таскали на себе: по болотам никаким машинам не пробиться. Поэтому экономили – на всякий непредвиденный случай, какие бывают на войне сто раз на дню. И не удивительно, что первая атака быстро захлебнулась: немцы открыли огонь такой силы, что впору повернуть назад. Торфяная жижа перемешалась с кровью...

Политрук поднимал бойцов восемь (!) раз, а продвинулись всего ничего. Комдив нервничает, военком нервничает, начальник штаба все губы искусал. Майор Юлдашев (комполка. – В. С.) позади цепи, ругается на чем свет стоит.

Политрук встает и, пригнувшись, шагает вперед. Один. Бойцы поняли: лежать в этой торфяной жиже – бессмысленно. И поднялись в девятый раз. Теперь уже неостановимо. Немцы, отстреливаясь, отошли за речку Черная. Подстегнутые успехом, наши бойцы с ходу перескочили речку, благо – не глубокая.

Не давая гитлеровцам опомниться, в брешь, пробитую ротой, немедленно кинулся весь полк, поднятый майором Юлдашевым. Разламывая немецкие фланги, за ним вошли в прорыв и другие полки.

Пять дней длился бой. Всего на несколько километров продвинулась дивизия, совсем немного, зато позиция наших войск заметно укрепилась...

Дорогой ценой достались нам эти несколько километров. Пали многие бойцы и командиры. За речкой Черной был убит и политрук Иван Старцев, награжденный (уже посмертно) орденом Красного Знамени...»

О тяжелых условиях боев периода осени – зимы 1941 г. вспоминали и другие их участники. Разумеется, в этих воспоминаниях главное внимание было уделено героической сто-

роне событий и не терялась из виду цель этих боев: победа над врагом, иначе – смерть или рабство... Но в «новые времена», когда сильная сторона ратного прошлого в истории упраздненного СССР стала замалчиваться или намеренно искажаться, появились и мемуары другого типа, в которых на первый план выдвинулся всяческий негатив – который, конечно же, в реальности имел место, но был лишь частью правды о войне, которая нами была выиграна.

Одна из таких работ – воспоминания ветерана, ученого-искусствоведа, специалиста по западно-европейской живописи Н. Н. Никулина. Они были написаны еще в 1975 г., полагая, как реакция отторжения, когда в стране начинал вызревать застой и реальное стало заволакиваться искусственным флёром желаемого, когда главными воспоминаниями о войне стали мемуары Генерального секретаря, удостоенные Ленинской премии в области литературы, а количество юбилейных медалей на пиджаках ветеранов превысило их боевые награды. Как следует из авторского предисловия, рукопись не предназначалась для печати, поскольку автор понимал, что *такую* правду – не напечатают, и пролежала в столе более тридцати лет. Явилась свету лишь в 2007 г., еще при жизни воспоминателя, и, вновь напечатанная в 2015 г. – к 70-летию Победы! – чудовищно большим для нашего времени тиражом, стала переиздаваться с удивительной для нынешней издательской отрасли прытью. Спустя два года я обнаружил в магазине аж три издания этих воспоминаний, что немыслимо для коммерческой индустрии. И это лишь то, что я увидел! Не иначе, какой-нибудь очередной «сорос» проплатил издательствам заведомо экономически убыточную затею... А случилось это потому, что предполагаемого показа героизма советского народа и пафосности изложения в этих воспоминаниях нет. В них есть правда, но без выводов: типа, как было, так и пишу, а вы уж сами смекайте... Разумеется, в прежние времена цензура бы резко прореагировала на такую книгу, назвав текст очернительским, пораженческим, а то и вражеским. И была бы отчасти права. Но мы живем в то время, когда *пока* всё разрешено и, пользуясь этим, спущенным нам сверху правом, заглянем на страницы воспоминаний и этого участника битвы за Ленинград.

В 1941 г. молодой Н. Никулин – всего лишь недавний выпускник средней школы, не годный к службе в строевых частях и по мобилизации направленный в школу радиоспециалистов. После окончания, в ноябре, переправившись через Ладогу, он попадает в полк тяжелой артиллерии. Воспоминатель не называет ни номера части, ни участка фронта, где он оказался, но из текста становится ясным, что это участок Ленинградского фронта за кольцом блокады:

«В конце ноября началось наше наступление. Только теперь я узнал, что такое война, хотя по-прежнему в атаках еще не участвовал. Сотни раненых, убитых, холод, голод, напряжение, недели без сна... В одну сравнительно тихую ночь, я сидел в заснеженной яме, не в силах заснуть от холода. Чесал завшивевшие бока и плакал от тоски и слабости. В эту ночь во мне произошел перелом. Откуда-то появились силы. Под утро я выполз из норы, стал рыскать по пустым немецким землянкам, нашел мерзлую, как камень, картошку, развел костер, сварил в каске варево и, набив брюхо, почувствовал уверенность в себе. С этих пор началось мое перерождение. Появились защитные реакции, появилась энергия, Появилось чутье, подсказывавшее, как надо себя вести. Появилась хватка...»

Думаете, хватка, чтобы воевать? Нет...

«...Я стал добывать жратву. То нарубил топором конины от ляжки убитого немецкого бытюга – от мороза он окаменел. То нашел заброшенную картофельную яму. Однажды миной убило проезжавшую мимо лошадь. Через двадцать минут от нее осталась лишь грива и внутренности, так как умельцы вроде меня моментально разрезали мясо на куски. Возница даже не успел прийти в себя, так и остался сидеть в санях с вожжами в руке. В другой раз мы маршировали по дороге и вдруг впереди перевернуло снарядом кухню. Гречневая каша вылилась на снег. Моментально, не сговариваясь, все достали ложки и начался пир! Но движение на дороге не остановишь! Через кашу проехал воз с сеном, грузовик, а мы все ели и ели, пока

оставалось что есть... Я собирал сухари и корки около складов, кухню – одним словом, добывал еду, где только мог...

Наступление продолжалось...»

Интересные воспоминания, правда? Не о своих подвигах (коими принято хвалиться фронтовикам, но коих, полагаю, у воспоминателя не было), не о героизме других (что, условно, имело место – иначе откуда Победа?), а признание, что «перерождение», которое вдруг произошло в этом новобранце, было направлено исключительно на «добычу жратвы»!

Причем, повторюсь, никто не собирается оспаривать правдивость описанного – подобные случаи рассказывались и другими участниками боев, но там они не были главным содержанием, а лишь эпизодом, мало влиявшим на основной ход событий. Здесь же, эти события, поданные первым планом, не могут не вызвать вопрос: а зачем, собственно, идут на войну – брюхо набить в первую очередь или какая-то другая миссия у солдата?..

Конечно, на фронте не все были героями. Такие «никулины» брались из мобилизованной молодежи, среди которой далеко не все внутренне исповедовали веру, что: «...мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя!» (поэт П. Коган). Или еще: «...не до ордена – была бы Родина с ежедневными Бородино» (поэт М. Кульчицкий; оба пали на фронтах Великой Отечественной). В мирное время такие новобранцы бы не вылезали из нарядов вне очереди, драя полы в казарме и сортиры. На войне время нарядов прошло. Методы воспитания незрелых воинов в боевых условиях были строгими – вплоть до расстрела перед строем за, казалось бы, с мирной точки зрения, пустячную провинность (в воспоминаниях Н. Никулина есть такие примеры). Но на то и война, чтобы грех нерадения, а то и трусости искупался кровью.

И все же такие случаи наказания были хоть и не редкостью, но не являлись основой воспитания. А задача воспитания была возложена на армейские политорганы.

Согласно Полевому уставу РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии) 1939 г. политический отдел каждой дивизии имел следующую структуру:

- начальник политотдела в звании старший батальонный комиссар (с 1940 г.), равном подполковнику;
- заместитель начальника политотдела (батальонный комиссар – майор);
- секретарь партийной комиссии, отвечающий за прием в партию (старший политрук – капитан);
- инструктор по организационно-партийной работе (старший политрук – капитан);
- инструктор по партийному учету (старший политрук – капитан);
- инструктор по комсомольской работе (старший политрук – капитан);
- секретарь политотдела (замполитрука – старшина).

Во главе политорганов дивизии находился военком – военный комиссар в звании дивизионного комиссара, равного комдиву (с 1940 – генерал-майору).

В каждом полку был свой полковой комиссар. Ему подчинялись политработники батальонного и ротного звена. В каждой роте был свой политрук и замполит (заместитель политрука по комсомольской работе), в батальоне – старший политрук или батальонный комиссар.

Какие функции политорганам предписывал Полевой устав 1939 г. – еще вроде мирный, но уже и военный, поскольку на востоке шла Халхин-Гольская кампания, на западе – поход по освобождению Западной Белоруссии и Западной Украины, впереди – советско-финляндская война и походы в Бессарабию и Прибалтику?

«Статья 46.

Политический отдел является важнейшей составной частью всей системы управления войсками. Он осуществляет все политические мероприятия, направленные к достижению успеха боевой деятельности войск, укрепления их политико-морального состояния и повышения боеспособности.

Политотдел организует и проводит политическую работу в своих войсках и среди населения района действий данного соединения».

Отсюда обязанности политического отдела:

– обеспечение правильного проведения политики ВКП (б) – Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – и советского правительства во всех областях боевой деятельности и жизни войск;

– политическое и организационное руководство деятельностью всех подчиненных политических органов, комиссаров и всего политического состава, а также партийных организаций соединений и частей;

– получение и изучение сведений о политико-моральном состоянии своих частей, противника и местного населения с целью принятия надлежащих политических мер...

– организационно-политическая и агитационно-пропагандистская работа в своих войсках и среди местного населения, а также организация пропаганды в войсках противника, и т. д.

Как видим, функции весьма серьезные, по важности – на уровне ведения боевых действий, то есть основной задачи армии как таковой, определяющие стратегическую задачу боевых действий: не только победа, но и смысл этой победы – дальнейшее устройство мира в регионе, а то и шире.

(Сегодня, когда празднуя Победу семидесятипятилетней давности, начисто выхолащивают политическую ее составляющую, грубо говоря, представляют это святое для нашего народа событие в несправедном свете. Не ясно, что все же скрепляло воедино столь большое воинство, которое стояло насмерть буквально с южных гор до северных морей. Ну, не избыток же гречневой каши в разъезженной колее и фронтовые сто грамм, что взрослому мужчине на морозе – лишь на один ус... И тогда из-за спины появляются фальшивые страшилки вроде телесериальных «штрафбатов», «смершей» и пр. – мол, вот что заставляло наших солдат идти в бой, брать вражеские траншеи и освобождать города! Страх, что свои всадят пулю в спину!.. А ведь это и есть политработа – только с той, вражеской стороны, которая заполнила вакуум при отсутствии сегодня политработы своей. Не воспитательной – по-детсадовски звучит, ей-богу! – а именно политической, основанной на стройном мировоззрении, что зиждется не на мифических «общечеловеческих ценностях», коих в принципе не бывает, поскольку все «человеки» – разные, а на приоритетах, свойственных конкретно твоему народу. В сороковые-роковые таковым был пролетарский интернационализм, но первые месяцы войны показали, что ожидаемой солидарности трудящихся всего мира как-то не случилось и немецкие рабочие, вооруженные идеями своего национального правительства, что де в России живут не братья по разуму, а унтерменши, коих надо стереть с лица земли, с удовольствием вседозволенности всаживали штык в тело коммунизма. Где были души его научных теоретиков К. Маркса и Ф. Энгельса, бывших при жизни подданными германской короны? Должно быть, тихо хихикали из преисподней... И та же ВКП (б) в процессе войны сумела перенастроить свои идеологические гусли на другое звучание: возрождение гвардии, смена гимна, введение прежних званий и знаков отличия, учреждение ордена солдатской славы на ленточке по типу георгиевской – всё это следствие той же партполитработы, которая велась в параллель с разработкой и проведением военных действий. И при этом, конечно, дружба народов, основанная на том, что при социализме все народы равны, а это уже подход более высокого порядка – этнополитический, а не упрощенно классовый. А ведь именно здесь враги видели точку раскола единства советского народа, в чем и просчитались. И в этом – главная заслуга нашей партполитработы, которая с успехом проводилась как в довоенное время, так и на фронте.)

Если сказанное выше кажется сегодня кому-то излишне пафосным и даже натянутым, то вот свидетельство врага, который в искусстве пропаганды и агитации знал толк.

Н. В. Трущенко в книжке «Эхо сурового экзамена» приводит цитату из брошюры «Политическое воспитание в Красной Армии», выпущенной Главным управлением СС германского Рейха «для узкого круга»:

«Красная Армия, в противоположность армиям всех небольшевистских стран ни в коей мере не является инструментом аполитичных вооруженных сил. Ее своеобразие и опасность объясняются тем, что она внутренне насквозь политизирована и имеет одну определенную целенаправленность. Работа политического аппарата, его значение равносильно или даже превосходит значение военно-технического аппарата в армии...»

Думаю, сегодня будет интересно узнать, как же всё это достигалось конкретно на практике.

Тот же Н. В. Трущенко, бывший в начальный период войны политработником самого низшего – ротного – звена, вспоминая свою фронтовую деятельность в качестве замполита – заместителя политрука, отмечает, что особенность его работы была в том, что он постоянно находился среди солдат, и в бою, и в моменты отдыха. «Нашим местом работы с бойцами-комсомольцами были окоп, прифронтовые балки. И конечно, напряженные комсомольские собрания. Чаще всего проводили их перед боем, в час, когда солдаты уже получили цинковые коробки с патронами, гранатами и диски к автоматам. На повестке дня: выполнение боевой задачи. Прения подобны переключке мужественных людей, их коллективной присяге...»

Вот живая иллюстрация к такому собранию – сохранившийся протокол:

«Слушали. О поведении комсомольца в бою.

Постановили. В окопе лучше умереть, но не уйти с позором. И не только самому не уйти, но сделать так, чтобы и сосед не ушел.

Вопрос к докладчику. Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ. Из всех оправдательных причин только одна будет принята во внимание – смерть...»

Поскольку внезапно началась контратака немцев – 12-я за день! – докладчик от заключительного слова отказался. Но слово взял командир роты:

«– Я должен внести некоторую ясность в выступление комсорга. Он много говорил здесь о смерти и сказал, что Родина требует от нас смерти во имя победы. Он, конечно, неточно выразился. Родина требует от нас победы, а не смерти. Да, кое-кто не вернется живым с поля боя – на то и война. Герой тот, кто умно и храбро умер, приближая час победы. *Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив* (Курсив мой. – В. С.)»

Так поднимался моральный дух нашего воинства.

В арсенале тогдашних политработников, как правило, не имелось каких-либо особых технических средств. Главным методом была беседа, то есть непосредственное общение. Как вспоминает Н. В. Трущенко, «мне очень хотелось вести живой, настоящий разговор с бойцами, которые все были старше меня, не раз ходили в атаку, видели смерть». Но особого внимания требовали, конечно, молодые солдаты, пополнившие ряды перед наступлением... «Одного солдата подбадривала веселая шутка. Другого надо было успокоить участливым словом. Особенно, если из дома приходили плохие вести... В коротких передышках проводили с солдатами политбеседы, читали вслух газеты, а то и письма от родных, согретье теплом далекого дома... Ничего так не поднимало силы бойцов, как вовремя пришедшая весть об успехе товарищей по роте или батальону, написанный о нем рассказ в боевом листке, который мы выпускали... Много было забот у заместителей политруков: следить за своевременной доставкой на передовую писем, газет, крепкой махры. Всё это не хитрый, на первый взгляд, но по-своему сложный круг забот замполита».

В условиях фронтовой жизни, когда бойцы находятся на позиции, охватить всех своим вниманием в равной степени замполит роты, конечно, не мог. И тогда в помощь ему назначались агитаторы – грамотные бойцы и младшие командиры, не обязательно члены партии. Как

правило, они читали бойцам материалы из газет и сводок Информбюро о положении на фронтах, вели беседы по прочитанному. От агитатора требовалось не только понимание предмета, о котором он говорил с другими, но и умение убеждать, внушать веру в свои слова.

Писатель, а в годы войны фронтовой журналист, Александр Чаковский приводит в своей повести «Военный корреспондент (Это было в Ленинграде)» такую сцену:

«Мы вышли из машины и пошли к развалинам.

Немецкая артиллерия била не умолкая. Снаряды ложились правее нас, где-то в районе переправы. Подул холодный ветер, начинало морозить.

Было видно, как горят костры в подвалах сохранившихся домов. Я заглянул в один из подвалов. Там тоже горел костёр, и группа бойцов грелась у огня.

Никто не обернулся, когда мы вошли. Бойцы сидели вокруг костра и слушали кого-то. Говорила женщина. Мы не видели её лица, она сидела спиной к нам.

Мы тихо обошли круг, чтобы увидеть лицо говорившей. Это была совсем ещё молодая девушка. На вид ей нельзя было дать больше восемнадцати лет. У неё был очень высокий голос.

Девушка говорила о Ленинграде. Я понял это не сразу. Она не произносила слово «Ленинград». Девушка говорила «он», и мне сначала показалось, что речь идёт о каком-то человеке.

Девушка говорила о бомбёжках, артиллерийских обстрелах и о пожарах в городе. Она сказала, что Гостиный двор горел...

Наконец девушка кончила говорить.

Я подошёл и спросил, давно ли она из Ленинграда. Но девушка ответила, что никогда там и не была, а всё это только слышала и читала. Она агитатор полка и всю жизнь провела в Забайкалье...

– Вот кончится война, – сказала девушка, – тогда обязательно в Ленинград поеду...»

Б. Ф. Редько, бывший до войны учителем, вспоминает, как инструктор по пропаганде и агитации полка назначил его агитатором минометного взвода:

«– Политрук роты и комиссар полка, – говорил он, – помогут вам, обеспечат нужным материалом.

Сам он дал мне номера «Правды», «Красной звезды», «Ленинградской правды», а также армейской и дивизионной газеты. По их материалам я и начал агитационную работу.

Запомнилась первая беседа о жизни и борьбе ленинградцев, находившихся в блокаде. Все мы знали, что рабочие города на Неве получают в день всего по 250 граммов хлеба, а служащие и дети – и того меньше. Знали, что от бомбежек, обстрелов и голода тысячи мирных людей погибли. Положение Ленинграда чрезвычайно волновало всех нас.

Я подобрал много фактов, которые свидетельствовали о стойкости ленинградцев, их непоколебимой вере в победу, и рассказал о них гвардейцам. Мои товарищи узнали из беседы, что ленинградские рабочие не только ремонтируют боевую технику, создают оружие и боеприпасы, но и сохраняют исторические, культурные ценности. Они частично восстановили трамвайное движение, водопровод...

– Ленинград держится, борется, живет и ждет нас, – говорил я своим однополчанам. – Ждет подвига гвардейцев в боях при прорыве блокады».

Вот так непосредственно на переднем крае вели свою воспитательную работу политорганы Красной Армии.

Вернемся к положению на Северо-Западном направлении в конце 1941 – начале 1942 гг.

Если успешное в целом наступление наших войск с востока позволило освободить железнодорожную линию Тихвин – Волхов и наладить многоступенчатое снабжение Ленинграда: по «железке» – ледовой «Дороге жизни» – снова по «железке», то действия 54-й армии с севера в направлении железнодорожного участка Мга – Кириши встретили упорное сопротивление

врага. К началу января 1942 г., наступая, наши продвинулись едва на 4 – 5 км, но закрепиться не смогли, и были оттеснены немцами на исходные рубежи.

В помощь 3-й гвардейской дивизии и другим частям, застрявшим в снегах на подступах к немецкой обороне, из Ленинграда была переброшена 11 стрелковая дивизия, в политотдел которой в декабре 1941 г старшим инструктором по организации партийной работы был назначен мой отец. Прибыв на берег Ладоги, они по озерному льду перешли с западного берега на южный и сосредоточились в районе станции Войбокало. Впереди было Погостье...

Генерал И. И. Федюнинский, командовавший 54-й армией, спустя годы вспоминал:

«Каждому участнику войны знакома не только радость побед, но и горечь неудач. Каждый, вспоминая прожитое, может сказать, когда ему было всего труднее. Такое не забывается. И вот если бы мне задали подобный вопрос, я бы без колебаний ответил:

– Труднее всего мне было под Погостьем зимой тысяча девятьсот сорок второго года...»

Само слово Погостье вряд ли у кого вызовет радость, тем более не вызывало у тех, кому предстояло штурмовать опорные пункты немцев на самой станции и в одноименном поселке... Хотя первоначально этим словом в достопамятные времена называлось место – стан, где располагались прибывшие «гости» – купцы со своим товаром, разбивавшие временный рынок для натурального обмена или торговли за деньги. Также на погосте останавливалась и княжеская дружина, собиравшая с местных жителей дань (налог). Полагаю, это уже потом как бы в шутку – метафорически – погостом стали называть вечный стан: кладбище. И вот этот, последний смысл слова в декабре – январе 1941 г. оказался самым точным...

В. Станцев:

«Так что же это за станция Погостье?.. Это даже не станция, а точнее сказать, полустанок. Лежит он почти посередине между Киришами и Мгой, то есть имеет большое тактическое значение. Со взятием Погостья прерывалось железнодорожное сообщение противника со своими тылами в этом и других районах.

Перед станцией – довольно обширная поляна, занесенная снегом. Под снегом – убитые, на каждом шагу. Наши части наступали здесь еще поздней осенью, но из этого ничего не получилось – только потеряли людей. Еще тогда бойцы прозвали эту поляну «долиной смерти». Таковой она стала потом и для 3-й гвардейской.

Немцы прочно закрепились здесь. И не мудрено. Высокая насыпь достигала пяти-восьми метров, ширина итога больше – до двенадцати. На заминированных подступах к станции – проволочные заграждения в два кола, блиндажи, перекрытые несколькими слоями рельсов – не брали и тяжелые снаряды. В самой насыпи – дзоты через каждые 20 – 25 метров, с огнеметами и пулеметами, между ними еще пулеметные точки, несколько в тылу – артиллерийские и минометные батареи, а еще дальше – десятки «скрипунов», которые при стрельбе бьют не по цели, а по обширной площади. А в ясную погоду (не любили бойцы эту «ясную» погоду) – пикировщики. Наших самолетов почти не было: ни бомбардировщиков, ни истребителей. Танки были, с десяток, но что проку. Преодолеть насыпи они не могли: крутизна... Вот и наступай тут! Опять ставка на пехоту. А, точнее, на потери: если бросить в атаку побольше людей, кто-нибудь доберется до насыпи... Такова жестокая логика войны: станцию надо непременно взять, любой ценой, иного выхода нет...

И вот пришла ночь на 6-е января 1942-го... Кому она не памятна? Только погибшим...

Бойцы после короткой артподготовки поднялись в атаку. Немцы превратили ночь в день. Над поляной повисли сотни осветительных ракет. Пулеметные очереди, снаряды и мины без труда смяли наступательную цепь. Вторую постигла та же участь. Но приказ есть приказ: взять!!! У комдива и военкома чуть ли не слезы на глазах: видят, что не взять, зря люди гибнут...

Собрав остатки в третью цепь и возглавив ее, старший лейтенант Федор Синявин сделал еще одну попытку пробиться к насыпи. И были уже близко к ней бойцы, но цепь обессилила – почти все полегли. С ними и Федор Синявин...»

В. Бешанов, автор, живущий в Белоруссии, – из тех же радетелей «черной» правды о войне, что и упоминавшийся выше Н. Никулин (написавший, кстати, хвалебное предисловие к бешановской книжке «Ленинградская оборона»), приводит воспоминания немецкого солдата, воевавшего под Погостьем:

«Едва забрезжил рассвет, толпой атаковали красноармейцы. Они повторяли атаки до 8 раз в день. Первая волна была вооружена, вторая часто безоружна, но мало кто достигал насыпи. 27-го красноармейцы четырнадцать раз атаковали нашу позицию, но не достигли ее. К концу дня многие из нас были убиты, многие ранены, а боеприпасы исчерпаны. Мы слышали во тьме отчаянные призывы раненых красноармейцев, которые звали санитаров. Крики продолжались до утра, когда они умирали».

От себя Бешанов добавляет: «Многие немецкие пулеметчики от таких впечатлений тронулись умом»...

Какая слабая психика у этих фашистов! Тронулись умом от жалости к врагу?.. Не больно верится, как и в то, что «многие из нас были убиты, многие ранены» – это чем же, если русские бежали на них безоружными? Что-то не стыкуется у этого воспоминателя Хендрика Виерса, который через много лет хочет выглядеть не убийцей, а скорее жертвой. А вот то, что санитары не могли подобраться к раненым, поскольку Хендрик и его «камрады» стреляли и по тем, у кого на сумках был красный крест, скорее, правда. Потому и «боеприпасы исчерпаны».

Единомышленник Бешанова Н. Никулин добавляет перца в изображение давних событий в районе Погостья:

«...Большинство солдат, прежде всего пехотинцы, ночевали прямо в снегу. Костер не всегда можно было зажечь из-за авиации, и множество людей обмораживали носы, пальцы на руках и ногах, а иногда замерзали совсем. Солдаты имели страшный вид: почерневшие, с красными воспаленными глазами, в прожженных шинелях и валенках. Особенно трудно было уберечь от мороза раненых. Их обычно волокли по снегу на специальных легких деревянных лодочках, а для сохранения тепла обкладывали химическими грелками...»

Тяжкой была судьба тяжелораненых. Чаще всего их вообще невозможно было вытянуть из-под обстрела. Но и для тех, кого вынесли с нейтральной полосы, страдания не кончались. Путь до санчасти был долог, а до госпиталя измерялся многими часами. Достигнув госпитальных палаток, нужно было ждать, так как врачи, несмотря на самоотверженную, круглосуточную работу в течение долгих недель, не успевали обработать всех. Длинная очередь окровавленных носилок со стонущими, мечущимися в лихорадке или застывшими в шоке людьми ждала их. Раненные в живот не выдерживали такого ожидания...»

Что ж, это правда. Как сказал тот же поэт, М. Кульчицкий, «война совсем не фейерверк, а просто трудная работа». Смертельно трудная, и это – не поэтический образ.

13 января 1942 г. прибывшая из-под Ленинграда 11-я стрелковая дивизия сменила измотанную непрерывными боями 3-ю гвардейскую и продолжила ее дело – штурм неприступного Погостья. И снова бесконечные атаки пехоты, лишённой огневой поддержки... Успех пришел только спустя несколько дней, когда 16 января в арсенале атакующих появились танки 122-й танковой бригады, переброшенной им в помощь. Вот тогда пала зловещая насыпь. Саперам удалось подложить взрывчатку, которая обеспечила проход, куда и ринулись наши танки. Была взята станция Погостье, а за ней и поселок. Наши войска глубоко вклинились в оборону немцев.

А вот еще одно свидетельство с обратной стороны – от того же ветерана вермахта Х. Виерса, оборонявшегося под Погостьем:

«Железная дорога была уже в руках противника, как и лес по обе стороны поляны Сердце... Из нашей роты к тому времени почти никого не осталось. Отрезанные от батальона, мы должны были бороться за жизнь. Иссакали боеприпасы и продовольствие. Нам приходилось искать пищу в рюкзаках (точнее, вещмешках. – В. С.) павших красноармейцев. Мы находили там замерзший хлеб и немного рыбы.

Ситуация для нас была крайне плоха...

Однажды утром со стороны Кондуи пришло пополнение – маршевый батальон. Он был обстрелян из небольшого леса и направлен на штурм противника. Почти все, участвовавшие в штурме, погибли...»

Публикатор этих воспоминаний добавляет, что почти все солдаты и офицеры, переброшенные из Франции, среди которых был и сам Виерс, «были убиты, ранены или обморожены». (Это к вопросу о том, что упорные бои на Волховском фронте стоили немалых потерь не только нашим.)

Официальная штабная сводка со стороны Красной Армии подтверждает результат этого боя таким образом: были уничтожены 3 танка противника, 10 орудий, цистерна горючего и более 300 немецких солдат и офицеров. То ли бывший враг в своих мемуарах преувеличил потери своих со страху, то ли наши штабисты поскромничали...

В. Станцев:

«Железнодорожная ветка Кириши – Мга была перекрыта. Наконец-то. Но цена, цена!.. Как и во все время предыдущих наступлений, были и на этот раз посланы команды для сбора оружия и документов. Только одних красноармейских книжек доставили эти команды в дивизионный штаб несколько мешков...»

Такова стоимость этой тактической победы...

Спустя месяц боев под Погостьем – на 15 февраля 1942 г. – начинавшая воевать после пополнения 11-я стрелковая дивизия имела в своем составе лишь... 107 активных штыков. Умения воевать с малыми потерями нашим стратегам еще не доставало – по-прежнему брали числом...

Может, это имел в виду отец, когда говорил моему старшему брату: «Тебе, Боря, это знать не нужно...»?

Сам он продолжить наступление в сторону Любани, что на железнодорожной ветке Москва – Ленинград, вместе с 11-й стрелковой уже не смог: угодил в госпиталь.

В его послужном списке значится: январь – март 1942 г. – в госпитале №1185, г. Вологда. Диагноз: дизентерия. Видимо в пылу боев хлебнул из чьей-то фляжки, набранной из ручья, что тёк из болотных глубин... Когда смерть летает вокруг в виде пуль и осколков, не думаешь, о том, что опасность и под ногами. Ленинградская область – край не столько речной и озерный, сколько болотный. Один Соколий Мох, не болото, а целое море, от южного берега которого начинали это наступление, чего стоил. А таких «сокольных мхов» (взгляните на карту) на северо-западе набросано едва ли не сплошняком! Эти болота, укрытые зимой толстым снежным одеялом, в глубине не замерзают, продолжают жить своей подспудной – гнилой лешей и баба-ёжкой жизнью...

(Удивительно, но спустя почти тридцать лет, я тоже оказался в районе Погостья. Это была моя первая командировка в качестве телевизионного режиссера. Вместе с оператором и группой красных следопытов из различных ПТУ г. Свердловска мы отправились туда с благородной целью: указать родственникам погибшего воина место, где ребята были обнаружены его останки. По счастью этот воин родом из подмосковного Озёрского района не выбросил, как это часто бывало, медальон – черный пластмассовый патрончик, в который закладывалась свернутая в трубочку бумажка, где значились имя, отчество, фамилия и место, откуда он призывался. Этот патрончик позволил следопытам установить личность погибшего и найти его родню... И вот мы выехали из Свердловска на поезде, а родные – два мужчины с большим

фибровым чемоданом, на «волге» председателя тамошнего колхоза – из Подмосквья. Сошли на станции Мга. Стоял сентябрь. Вокруг станции небольшой поселок, а дальше – сплошняком не высокий, но густой тонкоствольный лес. Вот среди таких «болотных джунглей» и пришлось тридцать лет назад наступать нашим – тремя эшелонами вначале и потом уже, когда не стало комплекта – одним. Об этом вспоминал генерал Федюнинский...

Вскоре подъехал и представитель местного райвоенкомата – на грузовике с песком в кузове и с солдатом-сапером. Дело в том, что недалеко от места гибели воина следопыты видели неразорвавшийся снаряд – он демонстративно лежал на пригорке... Как объяснил офицер из военкомата, в этих местах таких гостинцев полным-полно. В лес от железнодорожной насыпи углубляться запрещено ввиду множества неразорвавшихся боеприпасов, что прячутся в траве, под землей, в старых блиндажах. Смертельные случаи среди местных смельчаков – не редкость. Он рассказал эпизод, когда в лес зашли школьники во главе с учительницей – видимо не местные, приехавшие из города – промочили ноги и решили на пригорке развести костер. А под костром оказалась мина – ждала своего часа тридцать лет. Итог похода был печален...

Мы ехали на грузовике, пока позволяла дорога. По пути дважды или трижды останавливались у братских могил погибших под Погостьем. На беленых кирпичных обелисках и стелах – фамилии тех, кто был опознан по документам. Их много. Мы привезли венок нашим землякам – воинам 3-й гвардейской и памятную доску, которую прикрутили к изгороди одного из памятников... А потом пришлось идти пешком по той самой железной дороге, что штурмовали и никак не могли перекрыть красноармейцы в 1941 – 1942 гг. Ничто вокруг не напоминало о войне – был мирный день, светило солнце и, кажется, пели птицы.

Не доходя до первых домиков станции Погостье, мы остановились. Острая зрительная память руководителя нашей экспедиции, ветерана, бывшего морского летчика Северного флота, капитана в отставке Исмагилова точно определила, где в окопчике у самой насыпи следопытами припрятаны от черных копателей найденные останки воина. Их всего ничего – череп да несколько костей. Сложенные в чемодан, они уедут в Озёрский район, где уже всё подготовлено для торжественного захоронения земляка...

Мы подъедем туда на поезде, потом на автобусе и станем участниками этого сельского схода. Увидим вдову солдата, что ожидала известия о пропавшем без вести муже буквально до последнего, и вдруг в январе, отчаявшись ждать, сожгла все его фронтовые письма. А спустя полгода и останки его нашлись...

Всё это происходило осенью 1983 г., когда к памяти о прошедшей войне относились еще с действительным, а не показным пиететом. В центре села высилась в полный рост гипсобетонная статуя солдата со склоненным знаменем. На плите мемориала значилось немало имен невернувшихся односельчан. До самого села, что лежит на берегах Оки, немцы в 1941-м не дошли едва-едва. Но село бомбили...

Запомнилась беседа с Озёрским военкомом. Он сетовал, что призванные сегодня из района снова гибнут – в Афганистане, но на могилах нельзя писать правду. Пишут стандартно: погиб при исполнении служебных обязанностей.)

...В годы войны Вологду называли «госпитальной столицей». Это был ближний тыл Волховского фронта. Ближний, потому что за западе области уже побывали немцы. И хотя наступление под Тихвином отбросило их на линию реки Волхов, ощущение недалекого фронта не покидало этот старинный русский город. Через него шли на передовую свежие части из глубины СССР и через Вологду же в обратном направлении двигались поезда с ранеными, обмороженными красноармейцами, уже успевшими хлебнуть боевой каши. Часть их ехала транзитом в глубокий тыл – кто до Свердловска, а кто и еще дальше. Но часть оставалась в вологодских госпиталях, коих было организовано в городе не один и не два...

Отца определили в госпиталь №1158, который открыли в бывшем учебном здании по адресу ул. Батюшкова, 2 – аккуратно напротив местного кремля.

Дизентерия – болезнь курьезная: надо в атаку идти, а ты из-под куста встать не можешь. И беда в том, что эти бесконечные позывы обезвоживают организм, что без вмешательства врачей может запросто привести к летальному исходу.

Выше я высказал версию, что эту заразу можно было подхватить, хлебнув водицы из чужой фляжки. Это, конечно, версия романтическая, благородная. На деле дизентерийную палочку можно было поймать где угодно: взяв газету, побывавшую в руках носителя микроба; поев каши, приготовленной его руками; подхватив оружие убитого в бою; да в конце концов, пожав руку герою, вышедшему из боя... Как писал уже после войны, анализируя опыт советских военных медиков, полковник медицинской службы С. В. Висковский, «главную роль в передаче инфекционного начала играли грязные руки». А дизентерия и оказалась той «пятой колонной», что подкашивала воинов Красной Армии не хуже вражеских пуль. По мнению полковника медслужбы В. Т. Михайловского, на фронтах Северо-Западного направления случаи заболевания дизентерией (видимо в силу природных особенностей) возникали чаще, чем на других фронтах...

Вообще дизентерийный микроб – неизменный спутник большого долговременного скопления людей, если не поставлена на нужный уровень санитарная дезинфекция. А как ее поставишь на передовой, когда боезапас, и тот в нужном количестве обеспечить не удастся, и блиндажи с землянками понад самым болотом построены, а санитары не успевают эвакуировать раненых из-под огня и отправлять их в санбат?

Из истории известно, в Крымскую кампанию 1854 – 1855 гг. у «цивилизованных» англичан, чей экспедиционный корпус составлял 30 000 солдат, дизентерию схватил каждый четвертый, а из заболевших так же каждый четвертый отправился к праотцам... Та же история произошла среди русских войск в период войны за Балканы в 1877 – 1878 гг., здесь потери Дунайской армии от бактериальной дизентерии составили ни много, ни мало 57% от общего числа потерь!.. И у немцев в период польской кампании 1939 г. эта зараза имела место, и более того, вермахт принес ее «нах фатерлянд», пришедшая вскоре зима никак не повлияла на ограничение ее распространения...

Погибший несколько лет назад киевский журналист и писатель Олесь Бузина в одной из своих последних книг раскрывает истинную причину поражения шведской армии под Полтавой в 1709 г. Всё доблестное войско Карла XII в прямом смысле обдристалось в полях Малороссии и вынуждено было спешно ретироваться, дабы не быть порублену российскими драгунами в украинских перелесках со спущенными штанами.

Так что не болезнь, а смех и грех одновременно...

О таком сыну, жаждущему рассказов о подвигах, не расскажешь. Потому что в действительности знать ему это не нужно. Как не нужно было тогда рассказывать и о ленинградцах, коим посчастливилось выбраться на большую землю из сомкнутой вокруг города сухопутной блокады.

Комбриг Б. А. Владимиров, чьи воспоминания о войне тоже пролежали в столе много лет и были опубликованы только в наши дни, вспоминает, как на одной из станций их эшелон, двигавшийся в сторону фронта, повстречался с встречным, везшим блокадников:

«Большинство эвакуированных принадлежало к старой интеллигенции. Среди них были ученые, профессора ленинградских вузов. Покидая город, они надевали на себя все, что имели, остальное было брошено в разбитых холодных домах. В енотовых шубах и каракулевых манто, замотанные в старые пледы и пуховые шали, измятые и грязные, они являли собой жалкое и страшное зрелище вырванных из ада людей. Их высохшие от голода и холода тела, мертвые пергаментные лица и глаза, глядевшие опустошенно и безучастно, производили жуткое

впечатление. Казалось, что это не живые люди, а футляры, в которых чуть теплится жизнь, но скоро они остынут, рухнут на землю и рассыпятся в прах.

На одних станциях эшелоны разгружались и ленинградцев вывозили и размещали в населенных пунктах, на других – останавливались на время приема горячей пищи, после чего следовали дальше по своему маршруту. Везде наблюдалась одна и та же картина: все эвакуированные находились в состоянии тяжелой дистрофии. Помогая друг другу, они с трудом выходили из вагонов и тут же на перроне справляли свои естественные нужды, ни на кого не обращая внимания, все вместе, и мужчины, и женщины...

Кое-где в пустых теплушках и возле них между путями лежали еще не убранные трупы детей и взрослых, умерших в дороге. Проходя мимо одной из теплушек, я обнаружил в ней сидящего на полу человека. Обеими руками он обнимал железную печь. Я вскочил в вагон, чтобы разбудить его и помочь выйти, но это был мертвец. Окоченевшими руками он крепко держал такую же холодную, как сам, печь.

Бойцы старались не пропустить ни одного эшелона с ленинградцами, чтобы поделиться с ними своими пайками. Многие ребята отдавали все свои запасы, оставаясь голодными.

Встречи с блокадниками вызвали справедливое чувство безудержной ненависти к гитлеровским захватчикам... Бойцы своими глазами видели, что принесло с собой нашествие варваров».

Ряд госпиталей Вологды был целево рассчитан на эвакуированных ленинградцев. Зимой и весной 1942 г. из окруженного города по «Дороге жизни» было вывезено 554 186 человек. 5 149 ленинградцев, самых тяжелых – с дистрофией второй и третьей степени, с сопутствующими этому заболеваниям, обморожением были оставлены в вологодских госпиталях. Сохранить жизнь удалось не всем – около двух тысяч из них нашли последний приют в вологодской земле...

А тем временем людские резервы для мобилизации на фронт стали истощаться и в 1942 г. был издан секретный циркуляр, предписывающий осуществлять лечение больных и раненых в сокращенные сроки. Теперь пребывание на излечении не должно было превышать среднего показателя в 21,3 суток. За превышение одного врачам грозил выговор... Вместе с этим, недолеченная дизентерия грозила рецидивом и выписанный ранее срока больной, вернувшись в воинскую часть, сам становился источником заразы. Госпитальные врачи, беря на себя ответственность, действовали как предписывает медицина – работая как бы между молотом приказа и наковальной обстоятельств. Недаром говорят, что не нарушишь инструкций – не совершишь подвига...

Отец выписался в марте. В районе Погостья – в направлении на Любань – всё еще шли бои, но его не вернули в 11-ю стрелковую, а оставили в резерве политуправления Волховского фронта.

Фронт этот был учрежден 17 декабря 1941 г. в результате успешной Тихвинской стратегической операции, что не только освободила от немцев железнодорожную ветку Тихвин – Волхов, по которой шло снабжение Ленинграда и эвакуация гражданского населения, но и позволила выровнять здесь линию фронта, установившуюся по реке Волхов, откуда и название нового фронта. Командовать им стал представитель Ставки на Северо-Западном направлении генерал армии К. А. Мерецков, удачно осуществивший Тихвинскую операцию.

Однако дальше этого рубежа нашим войскам продвинуться не удалось. Вошедшая в прорыв 2-я ударная армия, что по замыслу должна была выйти к станции Любань Октябрьской железной дороги (направление Москва – Ленинград) и соединиться с наступавшей от Погостья 54-й армией Ленинградского фронта, взяв гитлеровцев в кольцо, завязла в снегах, уткнулась в сильное немецкое сопротивление и сама оказалась чуть ли не в окружении.

Требование Ставки продолжать наступление до достижения успеха видимо и вызвало у командующего Ленинградским фронтом генерала М. С. Хозина реакцию самозащиты:

неуспех наступления он объяснил тем, что якобы два фронта не могут договориться о совместных действиях и потому для успешного завершения операции нужно единоначалие.

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин с вниманием относился к мнению своих военачальников, поскольку, как он полагал, реальное положение дел на местах им виднее. И если Хозин считает, что для пользы дела нужно соединить руководство силами двух фронтов в одних руках, то надо так и сделать. 23 апреля 1942 г. решением Ставки Волховский фронт был ликвидирован и продолжение операции поручили войскам объединенного Ленинградского фронта. Генерала Мерецкова откомандировали на Брянский фронт.

Однако это нововведение привело еще к большей неуправляемости, поскольку руководство Ленинградского фронта теперь находилось с внешней стороны блокады. В итоге 2-я ударная армия, вошедшая в прорыв и двигавшаяся навстречу 54-й армии, попала в мешок. Чуть больше месяца понадобилось Ставке, чтобы понять свою ошибку и восстановить прежнее статус-кво в управлении войсками на Северо-Западном направлении.

Ложная идея об объединении фронтов была расценена как проявление амбиций малоталантливого командующего Хозина, который еще в декабре 1941 г. активно возражал против переподчинения 54-й армии, действовавшей за блокадным кольцом, внешней группировке наших войск, возглавляемой генералом Мерецковым. 8 июня 1942 г. Волховский фронт был восстановлен, Мерецков возвращен к руководству им, а неудачливому Хозину, выдвигенцу маршала Жукова, нашли замену в лице командующего Ленинградской группой войск (той, что внутри блокадного кольца) генерала Л. А. Говорова.

Таким образом, отец вернулся из госпиталя как раз в период реформирования наших войск на Северо-Западном направлении.

В мае – июле были созваны фронтовые курсы военкомов – военных комиссаров частей и подразделений, отец стал секретарем партбюро этих курсов.

1/ VI – 42 г., видимо уже обретая фотогеничный вид после пребывания в госпитале, он снимается в ателье местного фотографа – в полный рост на фоне рисованного задника, изображающего штормящее море, и отсылает семье, то ли еще на родину – в Астрахань, или уже на Урал. Не уверен точно куда, поскольку именно летом 1942 г. моя мать с младшей сестрой и двумя малолетними сыновьями вынуждена была покинуть этот волжский город по причине начавшейся систематической его бомбежки. В это время немцы подошли к Сталинграду, и Волга как главная транспортная магистраль стала объектом повышенного внимания противника.

На обратной стороне снимка написано: «На долгую и добрую память дорогой и милой жене Нате от любящего мужа Леши Сутырина».

(Брат потом вспоминал, что в первые годы войны все письма приходили от отца с почтовым штемпелем г. Боровичи Новгородской области. Видимо там и располагался политотдел фронта. А может быть, там было отделение полевой почты, которое концентрировало письма-треугольники из частей, проверяло строгим оком военной цензуры, сортировало по направлениям и отправляло в тыл.)

Море на фоне – это, конечно, случайность. Просто другого задника у фотографа не оказалось, но как символично это хмурое небо и начинающее штормить море отразили обстановку на фронте...

Наше наступление с целью деблокации Ленинграда всё никак не приносило успеха, и работа по воспитанию вдохновителей будущих побед требовала постоянных усилий.

Политрук А. И. Сутырин. 1942 г.

Казалось бы, что нового в дополнение к уставам и уже известным директивам можно было донести на этих курсах до фронтовых политработников? Но нужно понимать, что находясь в лесах и болотах переднего края, бойцы и командиры оторваны от всего остального мира. Им неведомо, что происходит не только у них в тылу, но и у соседей – справа и слева. Знание о том, что на других фронтах наступают успешней, что уже освобождены первые занятые врагом советские города и села, рассказы о подвигах, информация о международном положении – всё это расширяло понимание того, какая задача предназначена каждой воинской части, входящей в состав Волховского фронта, и всем этим своевременно должны были быть вооружены комиссары батальонного, полкового, бригадного, дивизионного и корпусного уровня.

Н. В. Трущенко вспоминает, что «когда была опубликована Нота Народного комиссариата иностранных дел СССР о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченной ими советской территории, мы, вооруженные ее текстом, пошли по землянкам: нужно было рассказать о ее содержании каждому воину...

В этом документе говорилось об издевательствах над советскими людьми и массовых убийствах, о глумлении над значительными памятниками русской культуры. Говорилось, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и командованием...

Такие документы рождали у воинов жгучую ненависть к врагу, неукротимое стремление разгромить фашистских захватчиков».

В ближнем тылу партполитработа велась на различном уровне. Так, Б. Ф. Редько вспоминает, как его, заместителя политрука, направили на пятидневные курсы при политотделе дивизии: «Занятия в «лесной академии» (так в обиходе называли мы свои курсы) проводили комиссар дивизии, начальник политотдела и другие опытные политработники.

В эти же дни меня приняли в партию».

Характерно, что заявления о приеме в партию в войсках писались накануне вступления в бой. Комбриг Б. Владимиров вспоминает, как в марте 1942 г. воины его 140-й бригады до ввода в бой совершали тяжелый шестнадцатисуточный ночной марш по глубокому снегу, в котором вязли даже лошади. Но бойцы стойко переносили тяготы, понимая, что идут на помощь осажденному Ленинграду. И еще до завершения перехода, за первые десять его суток, бойцами было подано 47 заявлений о приеме в ВКП (б). Это был показатель работы политруков и их заместителей накануне марша и в течение его. Комиссаром бригады в этот период был Б. М. Луполовер.

Подобное же вспоминает В. А. Крылов, в начальный период войны – старший политрук дивизиона 23-го артиллерийского полка 4-й гвардейской армии: «Сержант Федор Митрофанов, помощник командира взвода боепитания, подал мне листок бумаги. Читаю: „Прошу считать меня коммунистом. Право быть принятым в партию я заслужу в бою“. Об этом же заявили командиры орудий сержанты Кинжалов, Вьюнов, Макиенко, Дубина, рядовые Михеев, Золотарев. В то утро, перед началом боя, партийная организация дивизиона увеличилась на 15 коммунистов».

28 июня 1942 г. в преддверии ключевых событий на фронтах Великой Отечественной наркомом обороны был издан знаменитый приказ №227, известный в войсках главным своим императивом: «Ни шагу назад!». Как отмечается в коллективном труде ученых Института военной истории Министерства обороны СССР, «в войсках Волховского фронта проводилась огромная работа по разъяснению этого приказа каждому воину. В результате повысилась стойкость в бою, значительно усилился поток заявлений в партию. Только с 1 августа по 21 сентября 1942 г. в партийные организации фронта поступило 5911 заявлений о приеме в члены партии и свыше девяти тысяч новых членов пополнили ряды Ленинского комсомола».

Политрукам для своей работы не нужно было искать в книжках примеры личного героизма воинов прошлого. Прецедентов было предостаточно вокруг – в реальной военной жизни. Так, в боях июня 1942 г. погиб лейтенант Л. С. Трифонов. В его полевой сумке была найдена тетрадь с любопытной записью: «Что надо помнить о войне». Там в частности говорилось:

«...Сосредоточить все свои помыслы, всю свою силу, всю ловкость, все знания, всю душу на мести врагу.

...Будь при всех обстоятельствах честен, ибо честные люди есть смелые люди, потому что норма их поведения не позволяет стать трусами. Нелегко идти на смерть, кто бахвалится этим – тот лжет. Бросаясь в атаку, думай о жизни, а не о смерти, думай о том, чтобы, оставаясь в живых, не стыдно было взглянуть в лицо павшим.

В самые трудные минуты, когда смерть овеивает тебя своим дыханием, вспомнив это, ты обретишь сверхчеловеческую силу, и волей к жизни, к победе победишь смерть...

Помни, что бой является лучшей школой войны. Поэтому будь всегда наблюдательным, анализируй каждый бой, с тем, чтобы можно было взять из него положительное и не повторить ошибок. При удачной боевой операции не зазнавайся, при неуспехе – не впадай в уныние. Объективно и трезво умеи оценить и то, и другое, найди корни успеха и неудачи.

Только анализируя и повседневно учаь на войне, ты не отстанешь от нее, а научишься управлять боем, планировать его, будешь уметь извлекать из любой обстановки и местности положительное для себя и для успеха своих войск».

Готовая лекция для пропагандиста! Жаль, что ее не прочел бойцам сам автор...

В частях фронта велась активная работа по пропаганде передового боевого опыта. Были сформированы специальные бригады, которые выезжали на передовую, делясь своим успешным опытом ведения боя. Проходили совещания боевого актива, слеты орденоносцев, митинги боевого содружества.

Еще одно направление работы политорганов – работа с представителями национальных меньшинств. К середине 1942 г. на Волховском фронте воевали представители 40 национальностей. Многие из них плохо понимали русский язык и как следствие – не могли выполнить приказ командира. Для решения этой проблемы при фронтовых курсах комиссаров было организовано отделение по подготовке политработников для работы среди воинов – выходцев из Средней Азии и Кавказа. Таких приходилось учить русскому языку едва ли не с азав. Для них с конца 1942 г. политуправление фронта начало издавать газеты на их родном языке. Также были подобраны агитаторы, могущие работать среди солдат-нацменов.

Говоря о созидании победного духа нашего воинства, нельзя забыть и культурное обеспечение воинов Волховского фронта. Здесь, как и на других фронтах, существовал Дом Красной Армии. Понятно, что речь не о каком-то дворце с колоннами в традиционном понимании клубного учреждения, а об организации, которая координировала деятельность лекторской группы, а также фронтовых бригад артистов.

Заместитель начальника Дома Красной Армии Волховского фронта в 1942 – 1944 гг. А. Д. Казарин вспоминает, как у них со своим джаз-оркестром появился Леонид Утесов:

«Джаз Утесова почти каждый день выезжал с концертами в действующие части фронта. Музыкальная задушевность, искристый юмор, острая злободневность, тесный контакт со зрителем и особая «утесовская» динамичность – вот самые сильные стороны этих концертов. Сам Леонид Осипович был на сцене конферансье, певцом, музыкантом, танцором и даже акробатом. Солдаты с восторгом встречали его. Становилось как-то легче от его веселых шуток, бодрящих песен, метких острот...

Надо заметить, что выступать Утесову приходилось часто в условиях, когда над импровизированной фронтовой эстрадой кружились вражеские самолеты, а бывало, что и свистели пули, осколки мин, снарядов. Смеяться в этих условиях самому и вызывать хохот зрителей – разве это не отвага?

На Волховском фронте выступал также талантливейший артист Владимир Николаевич Яхонтов – актер-публицист, превращавший документ, газетную хроника, научную статью в художественное произведение. Он, например, читал с эстрады «Коммунистический Манифест», и слова этого политического документа воспринимались аудиторией как самая возвышенная поэзия...

В частях фронта Яхонтов чувствовал себя как в родной стихии. У него быстро налаживалась дружба с солдатами и командирами. Он часто порывался идти вместе с ними в бой, но удерживало лишь всемогущее слово – дисциплина».

Пела перед бойцами-волховчанами и известная исполнительница народных песен Ирма Яунзем.

Более 500 концертов воинам Ленинградского и Волховского фронтов дал оркестр, с которым выступала Клавдия Шульженко.

Неоднократно с чтением своих стихов и лекций приезжал известный ленинградский поэт Всеволод Рождественский.

А. Д. Казарин вспоминает:

«Наиболее часто он выступал по двум темам: «Величие и мировое значение русской культуры» и «Алексей Максимович Горький и Красная Армия (по личным воспоминаниям)» Его выступления пользовались большим успехом. Он близко знал Горького, интересно рассказывал о А. Н. Толстом, А. Блоке, С. Есенине.

Поэт Вс. Рождественский написал слова многих песен, пользовавшихся большой популярностью среди воинов-волховчан: «Песня 256-й дивизии», «Песня строителе й Назийских дорог», «Песня о пулеметчике Иване Смирнове»».

А генерал И. И. Федюнинский отмечает в своих воспоминаниях, как 23 февраля 1942 г. в Гороховец, где находился политотдел 54-й армии, вместе с делегацией ленинградцев прибыла поэтесса Вера Инбер: «Гости привезли бойцам и командирам подарки: маскировочные халаты, бритвенные приборы, табак, перчатки, полевые сумки, музыкальные инструменты. Кроме того привезли пять автоматов, которые из-за отсутствия в Ленинграде электрической энергии были целиком (кроме стволов) изготовлены вручную. На автоматах имелись надписи: „Лучшему истребителю фашистских оккупантов“».

Целый ряд поэтов и прозаиков был в штате дивизионных, армейских и фронтовых газет. Выше уже упоминался А. Чаковский. Сюда же следует добавить П. Лукницкого. В газете 2-й ударной армии служил молодой поэт Всеволод Багрицкий (сын Эдуарда Багрицкого). 26 февраля 1942 г. он погиб во время вражеского авианалета, выполняя редакционное задание. Спустя месяц образовавшуюся вследствие этого вакансию в газете «Отвага» занял Муса Джалиль...

В газете «Фронтовая правда», которая поступала в окопы буквально в день ее выхода из походной типографии, военкором служил поэт Павел Шубин, автор знаменитой «Волховской застольной»:

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, как было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!

Вспомним о тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу...

Будут в преданьях навеки прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой!

Еще в ходе войны эта песня на слова П. Шубина воспринималась уже как народная.

В отделе контрпропаганды политуправления Волховского фронта служил Юрий Нагибин. Позже он вспоминал, как контрпропагандисты придумали ловкий ход: отпечатали листовку, в которой призывали немцев сдаваться, а на обратной стороне – билеты в Александринский театр, что в Ленинграде, на премьеру оперетты «Сильва» Имре Кальмана. Вряд ли кто из захватчиков на это купился, но тоску по мирной жизни такие листовки у них наверняка вызвали.

Из деятелей культуры во время боев на Волховском фронте погиб кинорежиссер Евгений Червяков, поставивший известные до войны фильмы «Девушка с далекой реки» и «Поэт и царь». Он воевал в той самой 11-й стрелковой дивизии в качестве командира роты...

Весь 1942 г. фронты Северо-Западного направления провели в наступлении. Операции сменяли друг друга: Любанская, 7 января – 30 апреля; Демянская, 7 января – 20 мая; 2-я часть Любанской по выводу из окружения 2-й ударной армии, конец мая – июль; Киришско-Грузино-Погостьевская, июнь – июль; Синявинская-42, 19 августа – 10 октября...

Вот как раз в конце сентября в ходе этой операции вышла из окружения в районе Гайтолово 294-я стрелковая дивизия. Вышла сильно поредевшая и была тут же отправлена на попол-

нение. Мой отец из резерва штаба фронта был назначен в эту дивизию парторгом 861-го стрелкового полка.

Дивизия в обновленном составе заняла фронт обороны 54-й армии на участке между Погостьем и Киришами. Сзади за позициями простирался всё тот же Соколий Мох – великое болото размером с доброе озеро, будь оно не ладно. (Как писал ленинградский поэт Александр Гитович – частый гость у волховчан: «На запад взгляни, на север взгляни – болота, болота, болота...») Боевая задача дивизии: наряду с соседями обеспечивать оборону флангов «погостьевского мешка» – чтобы он невзначай не захлопнулся, как это вышло в случае со 2-й ударной...

Но основные события разворачивались на правом фланге фронта. Здесь шедшие навстречу друг другу сквозь немецкую оборону бойцы Волховского и Ленинградского фронтов пытались встретиться и... в очередной раз не смогли. Не хватило мочи.

Закончившаяся неудачно операция Синявинская-42 была частью бóльшего штабного замысла под кодовым названием «Искра». И вот он уже в январе 1943 г. привел к желаемому результату: войска обоих фронтов наконец-то впервые за всю войну увидели друг друга в лицо. Отвоєванный коридор был весьма не широк: 8 – 10 км, однако теперь помощь Ленинграду пошла по суше. Сухопутная блокада города была прорвана, но, конечно, не снята вовсе. Немцы простреливали коридор и, значит, задача ликвидации нависающей над Приладожским коридором мгинско-синявинской группировки врага продолжала оставаться актуальной.

Тосненско-Мгинская наступательная операция, длившаяся с 10 по 23 февраля 1943 г., продолжила решать эту задачу и... тоже не решила.

В середине марта ее сменила Войтоловско-Мгинская, которую начал Ленинградский фронт и в апреле подхватил Волховский...

Нужно сказать, что к этому времени уже победно завершилась для нас Сталинградская битва. Немцам под Ленинградом эта весть вряд ли придавала моральных сил. Зато Красная Армия, разделившись с проблемой на Волге и получив сухопутный коридор в Ленинград, смогла, наконец, нарастить силы для победы и на Северо-Западном направлении. Теперь защитники города на Неве по своим боевым ресурсам превосходили врага в 2 раза, а волховчане – в 1,3. Маятник победы качнулся в нужную нам сторону...

Проводя реформирование сил в этом районе боевых действий, Ставка сочла возможным снять с передовой 294-ю дивизию, в которой воевал отец, и определить ее в резерв для дальнейшего использования на другом участке фронта. 4 мая 1943 г. она была переподчинена 52-й армии, а ту, в свою очередь, месяцем позже в полном составе перебросили на центральный театр боевых действий – в распоряжение Воронежского фронта.

Прежде, чем я перейду ко второй фронтовой главе в жизни отца, хотелось бы отметить важный рубеж в системе управления войсками Красной Армии.

Известно, что со времен еще гражданской войны у руля армейских частей стояли двое – командир и комиссар. Второй осуществлял линию партийного (правительственного) руководства, в то время как первый непосредственно командовал красноармейцами во время боя и в мирных условиях. Такая «двуглавость» нужна была для того, чтобы за командиром – нередко бывшим царским офицером или своим по классу, но морально и политически не стойким – был строгий надзор. Вспомните классический фильм «Чапаев»: Василий Иванович – это энергетический импульс, отвага, авторитет у солдат; а Фурманов – это холодное радио, основанное не на сиюминутном видении обстоятельств, а понимание текущей ситуации на долговременной основе. Не секрет, в боевой обстановке, бывало, «вторая голова» мешала «первой» – всё зависело от личных качеств комиссара и его знания военного ремесла. Но в большинстве случаев такая система управления в Красной Армии себя оправдывала и дожила с перерывами до 1941 г. Уж в конце-то 30-х, когда был разоблачен заговор высших военных,

сомнения в ее пользу у руководства страны точно не было... В первые месяцы войны ситуация на фронте складывалась не в нашу пользу и нередко именно низовые политработники оказывали цементирующую роль в собирании разрозненных в результате отступления сил.

Та неустанная работа по воспитанию политруками и комиссарами бойца-победителя, о которой сказано выше, во второй половине 1942 г. привела к нужным результатам – сначала к успеху на отдельных участках большого фронта от Арктики до Кавказа, а затем и к осознанию, что строевые командиры Красной Армии доказали делом свою преданность советской власти и руководству страны и уже не нуждаются в опеке со стороны партийных представителей.

9 октября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР институт комиссаров в Красной Армии был упразднен. Партийные организации в войсках стали первичными (в стрелковых частях – полковыми, вот откуда новая должность отца в 861-м полку), а руководить партполитработой (ее никто не отменял!) продолжили политотделы дивизий, армий, политуправления фронтов. В итоге такой реформы армейских политорганов к лету следующего 1943 г. (это процесс не одномоментный!) было высвобождено ни много, ни мало 130 тысяч армейских политработников, которых направили в части в качестве строевых командиров.

За время ведения боевых действий комиссары, политруки, заместители политруков, выполняя свои прямые обязанности, научились и руководству частями и подразделениями, когда штатные командиры по тем или иным причинам выбывали из строя. Множество таких примеров можно встретить в воспоминаниях участников войны.

Вот факт, приведенный в коллективном труде военных историков «На Волховском фронте»:

«В районе Сенной Керести 7 апреля 1942 г. противнику удалось прорваться в наш тыл и окружить штаб 848-го стрелкового полка 267-й стрелковой дивизии 59-й армии. Находившийся там в то время комиссар дивизии полковой комиссар В. П. Дмитриев мгновенно оценил обстановку. С автоматом в руках, со словами «За Родину!», «За партию Ленина!» этот мужественный человек, грудь которого украшали три ордена Красного Знамени, увлек воинов в контратаку. Фашисты не выдержали и стали отходить. Положение было спасено. Но комиссар Дмитриев героически погиб, сраженный вражеской пулей... В. П. Дмитриеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Через много лет после войны стали известны обстоятельства героической гибели члена Военного совета 2-й Ударной армии дивизионного комиссара И. В. Зуева, возглавившего в июне 1942 г. прорыв частями 2-й Ударной армии вражеского кольца у Мясного Бора...»

Комбриг Б. А. Владимиров вспоминает начальника политотдела своей бригады батальонного комиссара Н. Г. Сергиенко, который вместе с другими командирами и бойцами принял участие в разведке и погиб при возвращении...

Он же вспоминает младшего политрука Н. Климова, который во главе взвода «ворвался в расположение обороны немцев. Перебив часть гарнизона ротного опорного пункта, взвод захватил артиллерийское орудие и, повернув его в сторону противника, открыл огонь по убегающим фашистам».

И таким примерам несть числа... Политработники же, не получившие в процессе своей деятельности достаточных боевых навыков, направлялись на переподготовку, после чего определялись на командные должности в войска.

22 декабря 1942 г. в преддверии прорыва блокады Указом Президиума Верховного Совета СССР как моральный стимул была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», награждению которой подлежали *все* военнослужащие, воюющие на Ленинградском и Волховском фронтах. Это была, пожалуй, первая по времени учреждения массовая медаль Великой Отечественной, которая украсила грудь тех, кто дожил до ее вручения. А изготавливалось такое количество латунных кругляшков с барельефом защитников – военного, морского и двух

штатских, мужчины и женщины на фоне шпиля адмиралтейства – почти весь следующий год. 18/IV- 43 г. мой отец и его боевые товарищи на фотоснимке стоят, что называется, с пустой грудью – еще ни одной награды, только у начальника с тремя шпалами в петлице на старой еще четырехугольной колодке медалька «XX лет РККА» (значит, кадровый: служил еще в 1938 г., когда эта дата и отмечалась).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.